

мужичекъ расчитываетъ, что на два года хлѣба собралъ, а весной сталъ послѣднимъ изъ нуждающихся. Что предпринять, чѣмъ возможно помочь, какъ уничтожить въ крестьянскомъ хозяйствѣ эту ненормальность? И возможно-ли ее уничтожить? Вполнѣ возможно, но не теперь. Темснъ заручевлянинъ, не понимаетъ, что можетъ помочь себѣ только самъ онъ. Со виѣ ждетъ онъ помощи. Многие ждуть ее отъ земства. Оно, молъ, можетъ открыть хлѣбный магазинъ, куда и будутъ сдавать хлѣбъ крестьяне, а весной съ надбавкою небольшихъ процентовъ покупать его. Дождется-ли этого?—Сомнительно, но самимъ въ складчину устроить это и на умъ не придетъ никому, а если и предложитъ кто, не сговорится мужичкамъ. И будутъ они по прежнему сдавать хлѣбецъ кулакамъ и міробдамъ за полицны осенью и покупать въ три-дорога у нихъ-же весной.

Впрочемъ, не время пѣть въ минорный тонъ, вѣдь теперь осень, и черныя мысли не тревожатъ заручевлянина: они улетѣли отъ него за тридевять земель, въ тридесятое царство... улетѣли до весны.

Учитель Ив. Забивкинъ.

КРАСНАЯ ЛЯГА, Каргоп. уѣзда.

Въ 17 верстахъ отъ города Каргополя, между трактами Пудожекимъ и Ошевенскимъ, лежитъ общество Красная Ляга, состоящее изъ семи небольшихъ деревушекъ. Деревушки эти, окаймленные полями и прекрасными сосновыми борами, растянулись на протяженіи семи веретъ. Вся мѣстность, занятая деревушками красноляжекаго общества, представляетъ изъ себя сухіе сосновые боры съ перемежающимися „малегами“ и „чистями“. Куда бы ни устремился взглядъ онъ неминуемо встрѣтитъ одинъ и тотъ же ландшафтъ: боръ, малель и чисть. Сырыхъ, болотистыхъ мѣстностей здѣсь не встрѣтитъ; болота двинулись дальше на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Красной Ляги. Рѣкъ и озеръ тоже вблизи нѣтъ; воздухъ здѣсь сухой, чистый, здоровый,—вообще, въ отношеніи климатическихъ условій Красная Ляга много выигрываетъ по

сравненію съ другими болотистыми нездоровыми мѣстностями, которыми такъ богата наша Олонія.

Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ немножко поразсказать объ обывателяхъ этого «медвѣжьяго угла» и объ ихъ бытовомъ и экономическомъ состояніи.

Живутъ здѣшніе крестьяне сѣро, бѣдно, грязно. Не смотря на обиліе строеваго лѣснаго матеріала избенки здѣсь низенькія, маленькія, бѣдненькія, покривившіяся на бокъ. Въ избахъ грязь, духота, особенно во время сбора обакковъ (масляковъ), выростающихъ здѣсь въ громадномъ количествѣ; по всей деревнѣ носится какой то особый, специфическій запахъ.

Главнымъ занятіемъ крестьянина—красноляжанина служитъ хлѣбопашество. Хлѣба здѣсь вырастаетъ хотя и меньше, чѣмъ въ другихъ волостяхъ каргопольщины, но по сравненію съ другими уѣздами Олонецкой губерніи очень и очень порядочное количество. Недаромъ, вѣдь, нашъ каргопольскій уѣздъ названъ „житницей“ родной Олоніи. Кромѣ полевой культуры хлѣбныхъ злаковъ, красноляжанинъ занимается еще „подсѣчной системой“ хлѣбопашества. Срубить мужичекъ „подсѣку“, на слѣдующій годъ выжжетъ «впранды», т. е. срубленный прошлымъ годомъ молодой соснякъ и начинаетъ распахивать «новину». Много надо приложить усердія и терпѣливаго труда при распаханіи новины: на каждомъ шагу соху встрѣчаетъ пень, камень и безчисленное число корней. По мужичекъ терпѣливъ! Это терпѣливое усердіе въ трудѣ, вѣдь, дастъ ему засушный хлѣбъ! Вотъ, наконецъ новина распахана, выборожена общепринятой здѣсь допотопнаго изобрѣтенія бороной „смыкъ“ и готова для посѣва. Обыкновенно на первый разъ сѣютъ овесъ, а потомъ нѣсколько разъ подрядъ рожь. Сниметъ мужичекъ два-три хлѣба и бросаетъ съ такимъ упорнымъ и тяжелымъ трудомъ распашанную новину: онъ взялъ уже изъ нея всѣ соки, необходимые для бѣлье или, менѣе уснѣшнаго и продуктивнаго выращиванія хлѣбныхъ злаковъ и новина ему болѣе не нужна. Удобрять же новину не хватаетъ навоза; его

даже мало хватаетъ и въ поля по причинѣ малаго количества скота, содержимаго красноляжаниномъ. Средней руки мужичекъ держитъ одну лошадь, одну или двѣ коровы, да еще четыре, пять овецъ — вотъ и весь инвентарь его домашнихъ животныхъ. Да и скотъ здѣшній не отличается ни породистостью, ни какимъ-либо особо присущимъ ему качествомъ. Коровенки маленькія, тошенькія, молока даютъ мало; 3 — 5 кринокъ отъ коровы въ удой. Зимой коровъ кормятъ по большей части овсянкой, сѣно же дается изрѣдка, въ видѣ лакометва, ибо сѣно мужичекъ сбываетъ чужой скотинѣ, преимущественно каргопольской мѣщанской и купеческой. Безлошадниковъ и безкоровниковъ здѣсь тоже найдется. Нерѣдко у такого крестьянина на рукахъ цѣлая орава ребятишекъ, а на дворѣ ни одной «животины», — поневолѣ бѣдные ребятишки обречены на хроническій голодъ и глотаніе слюнокъ при видѣ, какъ другія дѣти лакомятся вкуснымъ, здоровымъ, едобнымъ кускомъ.

Есть два-три крестьянина изъ всего красноляжскаго общества, у которыхъ вырастаетъ хлѣба въ пять, семь разъ болѣе рядового красноляжанина, но это уже будутъ богатѣи, кулаки, зажавшіе въ свою руку всѣхъ своихъ сосѣдей. Хотя и у рядового красноляжанина вырастаетъ хлѣба порядочное количество, но у большинства, если не у всѣхъ поголовно, не считая богатей — кулаковъ, не хватаетъ на годъ хлѣба своего роста. Это явленіе находится въ тѣсной связи съ неутихнѣемъ освободиться изъ подъ гнета своего собрата крестьянина — кулака, какимъ то фатальнымъ желаніемъ добровольно лѣзть подъ ярмо кулака, хотя, повидимому, есть тысячи причинъ выйти съ честью изъ борьбы съ наглымъ обирательствомъ населенія на законномъ основаніи.

Выросъ у мужичка хлѣбъ, сжать и убрантъ, пора за молотѣбу приниматься. Затеплились на задворкахъ овны, потянуло на деревню дымкомъ, а поутру то глухіе, то звонкіе удары цѣпа, по здѣшнему „привуза“ возбѣщаютъ, что началась молотѣба. Радъ мужичекъ своему трудовому хлѣбцу, благодарить

горячей молитвой Создателя за неисполанный урожай.

А кулакъ тутъ какъ тутъ!

— Ну-ка, ты, Степанъ, Иванъ, Емельянь, привези-ка должокъ — отъ! Впередъ, вѣдь, видаться нужно!“

И потянулись къ дому кулака кровью и потомъ добытые возы хлѣба. За безцѣнокъ принимаетъ онъ за должокъ осенью трудовой крестьянскій хлѣбецъ, навалитъ амбары такъ, что ломятся отъ тяжести свѣжаго, душистаго зерна. Весной же этотъ самый кулакъ деретъ за хлѣбъ двойную цѣну, да еще прежде чѣмъ дать его голодному мужичку, онъ заставляетъ послѣдняго пройти сквозъ всѣ мытарства униженія, вымаливанія.

Но думайте, что кулака когда-либо мучитъ совѣсть при наличности его неблаговидныхъ поступковъ, нѣтъ, онъ считаетъ себя справедливымъ, мнитъ себя „благодѣтелемъ“ своихъ сосѣдей.

Хорошо благодѣаніе!

И такъ идетъ изъ года въ годъ: осенью мужичекъ за безцѣнокъ отдаетъ свой хлѣбъ кулаку, а весной въ три дорога выпрашиваетъ его у того же кулака и изъ года въ годъ голодуетъ, бѣдствуетъ, унижается, выпрашиваетъ, какъ милости, за свои то деньги, хлѣба. А, вѣдь, могъ бы мужикъ свезти хлѣбъ, если у него имѣется въ немъ излишекъ, въ городъ и продать тамъ по болѣе подходящей цѣнѣ и разсчитаться съ сосѣдомъ богатѣемъ деньгами, а не зерномъ. Или же могъ бы затаянуть должокъ, понемногу расплачиваясь съ „благодѣтелемъ“ — сосѣдомъ, — смотришь, и не пришлось бы на слѣдующую весну кланяться „благодѣтелю“ и унижаться передъ нимъ. Но русскій мужикъ — самый честный человекъ въ разсчетахъ съ „благодѣтелями“: передъ ними они не хотятъ остаться неблагодарными и сваливаютъ ему свой хлѣбъ за полцѣны.

Красная Ляга по преимуществу общество земледѣльческое: основной и главной (чертой) статьей бюджета крестьянина — красноляжанина служитъ хлѣбопашество. Какъ мною уже было сказано, хлѣба своего вырастаетъ хотя и порядочно, но не хватаетъ на круглый годъ по причинѣ нераціональнаго его сбыта. При-

ходится изыскивать другіе источники дохода для пополненія скромнаго хозяйственнаго бюджета. И вотъ мужичекъ пускается на различные промыслы, чтобъ прокормить себя и семью. По окончаніи осеннихъ полевыхъ работъ и обмолота многіе изъ нихъ закупаютъ по мѣрѣ возможности, сообразуясь со своимъ тощимъ кошелькомъ, разнаго товара: щетины, шильевъ, гребеньевъ, крестиковъ, мыла, книжекъ лубочнаго произведенія и такихъ же картинъ, колець, серегъ и т. д. и отправляются по селамъ и всеямъ наживать копейку, а иногда просто кормиться. Ребятишки и бабы тоже, глядя на мужчинъ, забираютъ фунтовъ по 5—6-ти красокъ для окрашиванія тканей домашняго льнянаго произведенія и тоже бредутъ кормиться. Но взирая ни на какую погоду и жестокій морозъ путешествуютъ эти коробейники въ своихъ вѣтрохъ подбитыхъ зипунникахъ и весьма рады, если въ день, кромѣ прокорма, останется чистаго барыша гривенникъ, а въ другой день и того не получишь, лишь бы (самоу) прокормиться, не задѣвая своей убогой выручки.

Во многихъ мѣстностяхъ родной Олоніи существуетъ много отхожихъ промысловъ другого рода: лѣтомъ—бурлачество на сплавныхъ рѣкахъ и тяга барокъ на каналахъ, зимою—вывозка строевыхъ лѣсныхъ матеріаловъ и дровъ, а въ Красной Лягѣ ничего этого нѣтъ; бурлачество здѣсь не привилось или по причинѣ довольно дальняго разстоянія отъ сплавныхъ судоходныхъ рѣкъ и пристаней, или изъ желанія улучшить свое хозяйство при большемъ количествѣ рабочихъ силъ и привычкѣ къ земледѣлію, любимому занятію славянина, или же, наконецъ, изъ нежеланія выгнаться подальше изъ своего „медвѣжьяго уголка“. Есть, правда, нѣсколько чловѣкъ, проживающихъ въ Петербургѣ, но они такъ невидны въ общей толпѣ, что считать бурлачество, какъ побочный источникъ дохода, нельзя.

Зимою у крестьянина свободнаго времени много: привезти возъ сѣна для скота или для предажи въ городъ, возъ дровъ для отопленія своей хатенки—вотъ и вся дневная работа мужичка. Не все они уходятъ съ „шиль-

цемъ-мыльцемъ“, а добыть то что-либо на расходы хочется, да и сидѣть безъ дѣла мужичекъ не привыкъ, кромѣ самыхъ отъявленныхъ лодырей, и вотъ крестьянинъ ищетъ себѣ сподручный заработокъ.

Учитель **В. Роевъ.**

(Окончаніе будетъ).

Сообщенія изъ уѣздовъ.

С. КРАСНАЯ ЛЯГА, Каргол. у.

(Окончаніе, см. № 21).

Благодаря массѣ свободнаго времени и обилію лѣного матеріала, здѣсь развились кустарный промыселъ: выдѣлка деревянныхъ вещей для домашняго обихода. Кустари раздѣляются на нѣсколько совершенно обособленныхъ и самостоятельныхъ отраслей: одни изъ нихъ выдѣлываютъ корзины, короба и бураки изъ сосновыхъ дранокъ, другіе дѣлаютъ дровни и сани, третьи — подставки для цѣтвовъ изъ корней и сосновыхъ палокъ, четвертые дѣлаютъ рѣшета и сита. Особенно много кустарей въ деревнѣ Кученалдѣ, составляющей почти половину всего красноляжскаго прихода и удаленной отъ церкви на три съ половиной версты. На самомъ же погостѣ и въ смежной съ нимъ деревнѣ Зенковой болѣе развито „коробейничество“ и у нѣкоторыхъ крестьянъ позажиточно — развѣзды съ товаромъ по ярмаркамъ. Возьмемъ мужичекъ у кустарей-кученалдъ (такъ здѣсь называютъ жителей деревни Кученалды) ихъ издѣлій: коробовъ, корзины, бураковъ, рѣшеть а у кустарей — гончаровъ, обывателей дер. Гринева, Падфиловской волости — горшковъ, мисокъ, кошачь, кринокъ, да прихватить въ базарный поведѣльникъ въ Каргополѣ деревянной посуды и отправляется на ярмарку за 70 — 100 и болѣе верстъ отъ родины. На ярмаркѣ не всегда удается сбыть весь товаръ, а везти его обратно домой или распродать остатки его себѣ въ убытокъ не хочется, тогда мужичекъ отправляется торговать по деревнямъ, всячески стараясь сбыть свой товаръ,

нерѣдко прибѣгая даже къ торговлѣ — мѣнѣ. Иногда придется удачно распродать остатки воза по сходной цѣнѣ и заполучить новый возъ товара, преимущественно издѣлій мѣстнаго произведства, не изготовляемаго въ Красной Лягѣ. Если ярмарка была въ мѣстности богатой рыбой, красноляжанинъ закупаетъ ее цѣлый возъ и везетъ на родину, зная, что тамъ онъ продастъ рыбу съ хорошимъ барышемъ. благодаря отсутствію въ Красной Лягѣ озеръ и рѣкъ и сопряженнаго съ этимъ безрыбья. Заручившись какимъ либо новымъ товаромъ, нашъ „купецъ“ ѣдетъ домой, надеясь распродать свой возъ на родинѣ, конечно, съ барышемъ, или же старается сбыть его попутно, по дорогѣ. Иногда ѣзда на ярмарку затягивается недѣли на двѣ, на три. Нѣкоторые мужички, захвативъ коробъ съ товаромъ, попутно съ торговлей, скупаютъ кошотъ и собакъ; выдѣланную шкурку сбываютъ или на рынкѣ въ Каргополѣ или купцамъ.

Выше было сказано о крестьянахъ-кустаряхъ деревни Кученалды. Съ одной стороны существованіе промысла, какъ побочнаго заработка, явленіе симпатичное, указывающее на желаніе поднять свое благосостояніе, нѣсколько улучшить ресурсы своего скромнаго бюджета, выйти изъ первобытнаго образа жизни и устроить ее болѣе или менѣе сносно, чисто, уютно, но съ другой сто роны нельзя не пожелать болѣе сознательнаго отношенія къ нему со стороны кустарей, болѣе рациональнаго веденія его. Дѣло въ томъ, что кустарь, зарабатывающій въ зиму 15 — 20 рублей, перепортитъ на ту же сумму лѣса, если не больше. Лѣса здѣсь, дѣйствительно, много, но беречь то его все-таки нужно: дерево — не грибъ, не каждый день вырастаетъ и поцѣлесообразная порча лѣса достойна порицанія. А потребляютъ лѣсъ здѣсь слишкомъ ужъ безжалостно! Цѣлые острова сосенъ и елей падаютъ подъ топоромъ мужика, часто безъ всякой видимой нужды въ этомъ. Приѣдетъ, наиримѣръ, кустарь за матеріаломъ для своего издѣлія и безъ разбора срубаетъ дерево за деревомъ, не зная еще, пригодится ли ему данное дерево или нѣтъ. Кустари, плетовщики корзины, срубивъ дерево, распи-

ливаютъ, раскалываютъ его и пробуютъ, хороша ли будетъ „дрань“. На изготовленію драни необходимо дерево прямое, чтобъ дрань сходила ровно, чисто, и не всякое дерево годится для этой цѣли. Не понравившееся дерево бросается кустаремъ тутъ же въ лѣсу гнить. Практикуется у кустарей еще такой приемъ: приѣзжаетъ кустарь въ лѣсъ, вырубаетъ на деревѣ двѣ зарубы въ разстояніи $\frac{3}{4}$ аршина одна отъ другой и затѣмъ скалываетъ „коровушку“, т. е. выступъ между зарубами. Если „коровушка“ скалывается ровно, прямо по сердцевинѣ, значитъ дерево виолнѣ пригодно для выдѣлки хорошей „драни“ и срубается кустаремъ. Конечно, не обходится тутъ и безъ ошибокъ. Когда же „коровушка“ скалывается косо, криво, то это дерево не годится для выдѣлки „драни“ и кустарь съ легкимъ сердцемъ отъѣзжаетъ къ другому дереву, оставляя раненое имъ гнить въ медленной предсмертной агоніи. Хотя мужикъ и знаетъ, что дерево послѣ такого эксперимента неминуемо должно погибнуть безъ всякой пользы для него и для сосѣда, но его это ничуть не тревожитъ, здѣсь жалости и благодарности столько же, сколько было благодарности и жалости къ дубу у крыловской свиньи.

— У насъ лѣсу еще много; на нашъ вѣкъ хватитъ, а послѣ насъ хоть трава не расти, вотъ какой здѣсь взглядъ на лѣсъ. И эта нехорошая черта присуща не однимъ только красноляжанамъ, а, къ крайнему сожалѣнію, всѣмъ живущимъ вблизи большихъ дѣлственныхъ лѣсовъ. Только горькій опытъ, ведущій къ недостатку лѣса, и можетъ немного образумить нашего крестьянина отъ безцѣльной порчи его.

Красную Лягу окружаютъ, какъ выше было сказано, прекрасные сосновые боры перемежку съ малегами и чистями. Малегомъ здѣсь называется молодой, только что поднявшійся соснякъ на мѣстѣ когда то бывшей здѣсь пахоты — новины, а частью такъ зовется недавно заброшенная пахота, не успѣвшая еще одѣться молодыми сосновыми или словыми деревцами. Лиственныхъ лѣсовъ здѣсь вблизи деревень не встрѣтишь по причинамъ слишкомъ

сухой, мало содержащей влаги, почвы. Благодаря сухости почвы и обилію сочныхъ лѣсовъ здѣсь вырастаетъ очень много рыжиковъ, обабковъ (масляковъ) и опенковъ. Эти дары природы въ видѣ рыжиковъ и грибовъ служатъ весьма доходной статьей въ бюджетѣ крестьянина-красноляжанина. Годами здѣсь вырастаетъ очень большое количество рыжиковъ, еще болѣе грибовъ, и вотъ здѣсь развилась грибной промыселъ. При усердномъ занятіи по сбору рыжиковъ въ урожайный на нихъ годъ одинъ человѣкъ легко можетъ заработать на рыжикахъ въ 2—3 недѣли 20—25 рублей, а въ года, когда спросъ превышаетъ предложенію, пбо въ зависимости отъ этого поднимается и цѣна на рыжики, можно заработать и значительно болѣе. Рыжики появляются во второй половинѣ августа и рѣдко, когда раньше, и тянутся до половины сентября и далѣе, смотря по климатическимъ условіямъ даннаго лѣта и осени. Обабки же появляются въ концѣ іюля, въ самый разгаръ жатвы. При первомъ появленіи обабковъ пѣлыя ватаги крестьянъ наводняютъ лѣсъ: за каждымъ кустомъ, за каждой сосной слышится ауканье, смѣхъ, крикъ, пѣніе. Лѣсъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, ожилъ и заиковалъ. За сборомъ обабковъ отправляются всѣ, не исключая стариковъ и ребятишекъ, а женщины пока еще заняты жнитвой и идутъ въ лѣсъ по окончаніи ея. Обыкновенно поденная плата жнеямъ въ это время увеличивается и иногда доходитъ до 50 к. и болѣе. По обратимся къ сборщикамъ рыжиковъ.

«Рыжичники», т. е. сборщики рыжиковъ уходятъ, обыкновенно, въ лѣсъ еще до разсвѣта, чтобы предупредить соперниковъ по сбору, что, однако, не всегда удается. Такъ какъ внотьмахъ ничего нельзя разглядѣть, то сборщики, а особенно молодежь, собираются большими толпами, раскладываютъ огонь, и начинается веселье: пѣсни, шутки, хохотъ. А то молодые парни придумали особаго рода развлеченіе, хотя и примитивное, но неизъяснимо-веселая молодежь, не обладающая изощреннымъ вкусомъ, занимается имъ съ увлеченіемъ. Развлеченіе это состоитъ въ слѣдующемъ: находятъ два совершенно плоскихъ

камня; одинъ изъ камней помѣщаютъ вблизи огня, смачиваютъ его слюной, поверхъ которой кладется горящій уголь; вторымъ камнемъ разбиваютъ уголь, а этотъ послѣдній при сплющиваніи издастъ сильный звукъ, весьма похожій на ружейный выстрѣлъ или разбитый на камень обухомъ пистонъ. Какъ видно, развлеченіе самое первобытное, но, въ холодное утро, ежась и дрожа отъ предразвѣтнаго холода, молодежь довольствуется и этой примитивной игрой. Съ наступленіемъ развѣта вся толпа расходится въ разные стороны, стараясь побольше отыскать рыжиковъ. При сборѣ рыжиковъ надо имѣть очень острое зрѣніе и главное, вавыкъ въ отыскиваніи рыжиковъ тамъ, гдѣ бы неопытный ничего не нашелъ. Безъ навыка немного набираешь рыжиковъ, да и рыжики у такого сборщика, обыкновенно, солидныхъ размѣровъ—пожалуй, одного хватитъ тронгъ на закуску. Красноляжанинъ не очень-то жалуетъ рыжики такого сорта, благодаря ихъ низкой цѣнности; крупный рыжикъ не имѣетъ такого быстрого и цѣннаго сбыта, какъ мелкій, и солится только для своей семьи. У крестьянина же на первомъ планѣ заработокъ и онъ старается отыскать рыжикъ помельче, покрасивѣе, а поэтому и цѣннѣе. Кромѣ острого зрѣнія и навыка успѣшность сбора еще обуславливается степенью запомнанія мѣсть, гдѣ рыжикъ болѣе всего водится. Обыкновенно рыжики растутъ цѣлымъ повзломъ, штукъ по 20—30 и болѣе, но ихъ всѣхъ не видно—они закрыты полусгнившими листьями, хвойными иглами и мхомъ. Отыскавъ рыжикъ, опытный «рыжичникъ» внимательно осматриваетъ мѣсто, слегка разгребая мохъ и иглы, но найдется ли гдѣ еще рыжикъ, другой. Дѣйствительно, онъ рѣдко ошибается и въ большинствѣ случаевъ находитъ искомое въ видѣ очень мелкихъ, съ серебрянный пятакъ и гривенникъ и очень цѣнныхъ рыжиковъ. За утро, т. е. часовъ съ 5 до 11-ти, умѣлый сборщикъ принесетъ домой 3—5 фунтовъ рыжиковъ и фунтовъ 20—25-ть обабковъ. Рыжики дома сортируются: на носокъ, первый, второй и третій сорта, а обабки сваливаются въ печь для просушки.

Пообѣдавши и отдохнувши немножко, мужички плетутся въ лѣсъ опять и на тѣ же, уже обожженные утромъ мѣста, смотришь—къ вечеру опять приносятъ домой такую же ношу. Опять идетъ сортировка и сушенье. Носокъ—это самый цѣнный сортъ: пудъ его цѣнится отъ 8 и 10 до 12 рублей, а остальные сорта дешевле. Сосѣди богачи скунаютъ рыжики, еще разъ сортируютъ, закупориваютъ въ небольшіе боченки и отправляютъ въ Петербургъ на продажу.

Обабковъ годами вырастаетъ здѣсь великое множество, а еще болѣе того опенковъ, и это доставляетъ мужичку заработокъ. Обабки идутъ въ продажу въ двухъ видахъ: въ вареномъ и сушеномъ. Варятъ и солятъ, обыкновенно, самыя мелкіе, самыя крѣпкіе обабки, а сушатъ всякую дрянъ, гнилье, червивые. Для сушки обабковъ приспособлены особыя сушильни—обабочницы, а у кого нѣтъ ихъ, такъ сушатъ въ банѣ. Привезетъ мужикъ съ семьею цѣлый возъ обабковъ и опенковъ, насадитъ ихъ на тонкія, сосновыя палочки, жарко-жарко истопитъ обабочницу или баню, сложитъ тамъ на перекладинахъ палочки съ обабками и оставляетъ ихъ сушиться на ночь. Какихъ только обабковъ тутъ нѣтъ! На иной и поглядѣть то страшно, а не только ѣсть, такъ много въ немъ червей, но всѣ ихъ сушатъ мужички, да еще посмѣиваются: «въ Питерѣ-то, молъ, все съѣдятъ!»

Пудъ сушеныхъ обабковъ цѣнится отъ 2 р. 50 к. до 4 рублей, а изъ пуда сырыхъ обабковъ выходитъ 1—1½ ф. сухихъ. Несмотря на такой большой % убыли отъ сушенія обабковъ, одна семья все же успѣваетъ насушить по нѣсколько пудовъ и заполучить лишній рублишко на расходы.

Сборъ рыжиковъ, однако, не всегда оправдываетъ надежды мужичка—въ иные годы ихъ вырастаетъ въ ограниченномъ количествѣ. Въ такіе годы, при всемъ усердіи, не удается заработать на расходилки и уплату долговъ «благодѣтелю», хотя въ такіе годы цѣна на рыжики стоитъ красная. Опять все приходится выкраивать изъ хлѣба, а весной идти къ «благодѣтелю» на поклоны и весты къ нему свое «хоботье» въ залогъ,

ибо безъ этого „благодѣтель“ ничего не даетъ. Волей-неволей приходится нести все лишнее платье къ кулаку на сѣденіе моли. Нерѣдко случалось мужичку получать отъ кулака вещь совершенно испорченную молю, а иногда и мышами.

Такъ и живутъ краснояжанитъ, работаютъ, не покладая рукъ, круглый годъ и въ результатъ имѣютъ только насущный хлѣбъ. На этомъ я и кончу свою замѣтку:

Учитель В. Роевъ.

С. КЕНОЗЕРО. Пудожскаго уѣзда.

Кенозерскія ярмарки.

Кенозерскія ярмарки по продолжительности торговли и торговымъ оборотамъ не далеко извѣстны, но всетаки являются самыми большими въ Пудожскомъ уѣздѣ и очень важны для населенія волостей Вершининской, Почезерской и Водлозерской, удаленныхъ отъ болѣе крупныхъ центровъ губернии и живущихъ исключительно на всемъ покунномъ.

Ярмарки теперь уже не имѣютъ того значенія, какъ прежде, когда мало было мѣстныхъ торговцевъ и крестьянинъ только и могъ приобрести все нужное на ярмаркѣ. Лавокъ было мало и рѣдко выѣзжающій изъ дома крестьянинъ кошилъ деньги къ ярмаркѣ и тамъ завасался нужнымъ ему. Многие, что вошло въ обиходъ крестьянъ за послѣдніе 20—30 лѣтъ, тогда было неизвѣстно и покупалось не разнообразіе предметовъ, а количество: пудами пшено, десятками фунтовъ постное масло и проч.

Въ Кенозерѣ бываетъ шесть ярмарокъ въ году. Крещенская три дня, Благовѣщенская пять дней, Петровская два дня, Успенная три дня, Покровская три дня,

Кенозеро находится на границѣ Пудожскаго и Каргопольскаго уѣздовъ и на ярмаркахъ бывають жители обоихъ уѣздовъ изъ окружающихъ волостей при чемъ Каргопольскій уѣздъ, какъ болѣе промышленный и земледѣльческій, продаетъ, а Пудожскій, какъ живущій болѣе работками, покупаетъ.

Исключенія бывають небольшія.

Торговцы товарами фабричнаго производства почти все изъ гор. Каргополя и каргопольскаго уѣзда. Кузнецъ съ топорами, ножами и проч.; каргополь съ чашками, ложками, горшками и итрусками, кожевники: ошевенцы и жители Кенорѣдкой, Быковской и Ошевенской волостей Каргопольскаго уѣзда съ хлѣбомъ въ зернѣ и мукѣ, своей выпашки и размолу.

Пудожскій уѣздъ продаетъ только на зимнихъ ярмаркахъ продукты охоты, Почезерская волость шкуры звѣрей—бѣлки, зайцевъ, горностаевъ, куницъ, лисицъ и дичь, а прошлую Благовѣщенскую ярмарку и много лосниныхъ и оленьихъ шкуръ, хотя охота на нихъ и запрещена.

Изъ Водлозерской волости, Пудожскаго уѣзда, продается на ярмаркѣ свѣжая, соленая и сушеная рыба, а мѣстные кенозеры продають еще много *водки*, о чемъ я скажу ниже. Этими товарами и ограничивается торговля пудожанъ.

Главный покупатель на ярмаркахъ, кромѣ мѣстныхъ кенозеровъ, жители Водлозерской и Почезерской волостей, преимущественно послѣдней изъ «суземковъ», гдѣ лавокъ еще куда пѣтъ. «Суземляне» покупають больше всего хлѣба, котораго они выпашивають мѣсяца на три и живутъ на покунномъ хлѣбѣ, занимаясь охотой и рыболовствомъ. Послѣдніе годы цѣны на звѣря вздорожали и промыслы суземлянъ хорошіе, а потому закупается на ярмаркахъ необходимое въ большомъ количествѣ: головами сахаръ, фунтами чай, кусками кумачъ и полотно. Хорошимъ спросомъ на ярмаркахъ пользуются осенью и зимой топоры, а весной и лѣтомъ косы и серпы не мѣстнаго кустарнаго, а фабричнаго производства. Всенародное русское зло, пьянство царитъ на всѣхъ кенозерскихъ ярмаркахъ, несмотря на то, что казенная винная лавка закрыта.

Всякій пьетъ «литки» при покупкѣ или мѣнѣ лошади и угощаетъ при этомъ слушающихъ присутствующихъ. Суземлянинъ пьетъ литки при продажѣ скупщику партіи звѣря.

Есть пьяницы, которымъ вышивка не стоитъ